

§ 6. Идеология диссидентства

Наряду с философским сциентизмом, отразившим кризис официальной философии марксизма-ленинизма, в советской философии складывается и оппозиционное течение политического диссидентства, возникшего в обстановке «хрущевской оттепели» 60-х годов. Идеиные позиции диссидентства определялись универсальными ценностями гражданского общества, отстаиванием подлинной демократии и прав человека. В нем важное место занимала тема сохранения русской культуры, защиты нравственных и духовных приоритетов российского общества. В советском диссидентстве существовали противоположные подходы к проблеме «СССР–Запад»: одни из них выступали за конвергенцию социализма и капитализма, другие напротив, решительно отвергали саму возможность идеологического слияния, сотрудничества.

В политической философии диссидентства можно выделить три наиболее важных направления: *либерально-демократическое*, *национально-самобытническое* и *социал-консервативное*, которые с достаточной полнотой определяют облик данного идейно-политического явления.

1. Либерально-демократическое диссидентство представлено в трудах *Андрея Дмитриевича Сахарова* (1921–1989), академика, физика-атомщика, лауреата Нобелевской премии Мира (1975).

В 1966–1967 гг. начинается его правозащитная деятельность, и появляются первые обращения в защиту политических и гражданских прав советских людей. В 1980 г. Сахаров за свою правозащитную деятельность был лишен всех государственных наград и выслан в г. Горький. После возвращения из ссылки избирается депутатом Верховного Совета СССР.

Уже в ранних работах Сахарова выявилась основная направленность его идей: отстаивание с позиции нравственных норм социально-экономических, политических и культурных прав человека. В 1968 г. вышла в свет его статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», основная мысль которой заключалась в том, что над человечеством нависли угрозы термоядерного уничтожения, голода, расизма, национализма, милитаризма, а также экологические и демографические проблемы.

Перспективы социализма он связывал с тем, «окажется ли нравственная привлекательность идей социализма и возвеличивания труда

при ее сравнении с эгоистическим принципом частной собственности и возвеличивания капитала решающим фактором, который люди будут иметь в виду при нравственном сравнении капитализма и социализма, или люди будут в первую очередь вспоминать об ограничениях при социализме интеллектуальной свободы, или еще хуже, о фашизмo-подобных режимах культа»¹.

С позиции «научно-демократического подхода» Сахаров предложил ряд конкретных мер для решения названных проблем: мирное сосуществование и сотрудничество различных стран в борьбе с голодом и гонкой вооружения; принятие закона в СССР о ликвидации идеологической цензуры; отмену законов, нарушающих права человека; амнистию политических заключенных, окончательное преодоление последствий сталинизма в обществе, дальнейшее углубление экономической реформы, принятие законов о «геогигиене» – защите внешней среды обитания.

Критикуя бюрократическую систему Советского государства, Сахаров писал: «Бюрократия далеко не бескорыстна. Прикрываясь демагогической фразеологией, она попирает социальную справедливость во всех сферах материальной жизни – таких как проблема жилья, качество здравоохранения (большая часть населения, в частности, лишена возможности приобретения современных лекарств), качество образования и др. Зарплата значительной части трудящихся искусственно занижена, что означает фактически скрытый налог, основная тяжесть которого ложится на людей с меньшим уровнем дохода. Особенно занижена зарплата в наиболее массовых интеллигентных профессиях. Постыдно малы пенсии у подавляющей части пенсионеров. Одновременно существуют элитарные группы населения, обладающие огромными социально-несправедливыми привилегиями»².

С бюрократизацией власти Сахаров связывал и «колоссальное развитие» коррупции, порождающей мафиозные группы, сращенные с партийным и государственным аппаратом, в результате чего происходила нравственная деградация общества. В прессе, на радио и телевидении, в школе, вузе и семье процветают, согласно Сахарову, лицемерие и ложь. Многократно обманутые красивыми словами люди больше уже не верят им, общество охватывает всеобщее безразличие. Эта давящая психологическая обстановка особенно сказывается на молодежи, разлагая и развращая ее. Ученый выступал за подлинную демократизацию общества, за честные и справедли-

¹ Сахаров А.Д. Тревога и надежда. – М., 1990. С. 36–37.

² Сахаров А.Д. Мир, прогресс, права человека. – Л., 1990. С. 77.

вые выборы, за устранение КПСС из политической системы и всемерное развитие гласности.

«Люди должны знать правду и должны иметь возможность беспрепятственно выражать свои мысли. Развращающая ложь, умолчание и лицемерие должны уйти навсегда и бесповоротно из нашей жизни. Только внутренне свободный человек может быть инициативным, как это необходимо обществу»¹.

Сахаров настоятельно предлагал реализовать основные принципы правового государства, такие как свобода слова и информации, возможность судебного оспаривания гражданами и общественными организациями действий и решений всех органов власти и должностных лиц в ходе независимого разбирательства, демократизация судебных и следственных процедур и т. д. В контексте данных предложений он призывал к гуманизации правосудия в СССР, в частности, к отмене смертной казни.

Свои представления об идеальном социалистическом строе Сахаров изложил в «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии». В этом документе предполагалось, что будущий социально-политический строй в СССР должен стать экономикой смешанного (государственно-частного) типа, сочетающим максимум гибкости, свобод, социальных достижений и возможности регулирования. Важную роль были призваны играть кооперативы, семейный и коллективный подряды. Основой экономического регулирования должны были стать рыночные конкурентные отношения; допускалась частная собственность. В области национальных отношений признавалось необходимым обеспечить всем национально-территориальным образованиям равные политические, юридические и экономические права. Кроме того, предусматривалось избрание Совета народных депутатов Союза, одной из палат которого должна была стать палата национальностей; основополагающим правом каждой республики объявлялось право на самоопределение. Государственным языком этих республик провозглашался язык данной нации, русский же язык оставался лишь в качестве языка межреспубликанских отношений. Эти и другие положения «Конституции» по существу означали создание нового государства, основанного на демократических и гуманистических принципах, учете национально-культурных особенностей жизни советских народов, реализации в обществе принципа единства в многообразии.

¹ Там же. С. 82.

Сахаровым выдвигалась также идея конвергенции капитализма и социализма и создания мирового правительства для решения национальных и международных проблем.

«Необходимо отойти от края пропасти всемирной катастрофы, сохранить цивилизацию и саму жизнь на планете. Это, как я убежден, возможно лишь в результате глубоких геополитических изменений в направлении сближения (конвергенции) капиталистической и социалистической систем и открытости общества при достижении большего равновесия всех рас и народов не только юридически, но и в экономическом, культурном и социальном отношении. Нужно новое мышление человечества!»¹.

Диссидентские идеи Сахарова имели принципиальное значение не только для постепенной трансформации Советского Союза в демократическое, правовое и социально-справедливое общество, но и для создания нового глобального мира, в котором бы все государства находились в безопасности и имели достойное существование.

2. В политической философии диссидентства представлена и национально-самобытная концепция, восходящая своими корнями к славянофильским истокам.

а) Здесь одно из первых мест занимает *Александр Исаевич Солженицын* (1918–2008), выдающийся писатель и публицист, лауреат Нобелевской премии (1970).

В 1945 г. Солженицын, находясь на фронте, был арестован за переписку, в которой содержались критические высказывания в адрес Ленина и Сталина, и осужден на восемь лет лагерей. В 1953 г. он освобожден. В 1974 г. он был выслан в Западную Германию. С 1976 г. проживал в США. Вернулся в Россию в 1994 г. Он автор таких социально-философских исследований, как «Архипелаг ГУЛАГ» (вышел в Париже в 1973 г.) и «Красное колесо» (1983–1987), а также ряда публицистических работ: «Как нам обустроить Россию» (1990), «Русский вопрос» к концу XX века» (1995), «Россия в обвале» (1998).

В своей историософии, как она изложена в «Красном колесе», Солженицын отрицает прежде всего «разумность» истории, ее «железные закономерности».

«История растет как дерево живое. И разум для нее топор, разумом вы ее не вырастите. Или, если хотите, история – река, у нее свои законы течений, поворотов, завихрений. Но приходят умники и говорят,

¹ Там же. С. 93.

что она – загнивающий пруд, и надо перепустить ее в другую, лучшую яму, только правильно выбрать место, где канаву прокопать. Но реку, но струю прервать нельзя, ее только на вершок разорви – уже нет струи. А нам предлагают рвать ее на тысячу саженей. Связь поколений, учреждений, традиций и обычаев – это и есть связь струи»¹.

Эти связи, согласно Солженицыну, лежат не на поверхности, а в замысле мироздания, в порядке мировых вещей и в назначении человека. С этих позиций он подходит к осмыслению русской истории, и прежде всего политических событий начала XX в.: мировой войны и революции. Начало русской трагедии, на его взгляд, было обусловлено, во-первых, распространением «имперского чванства» и, во-вторых, потерей присущего русскому человеку чувства раскаяния. И все это зло идет от идей гуманизма и антропоцентризма, занесенных в Россию при Петре I. Под их влиянием и вызрели те общие предпосылки, которые привели к русской революции. Виновны в ней не только революционеры-большевики, но и силы либеральной интеллигенции, вдохновлявшейся «гражданственной литературой»; виновна и сама верховная власть «помпезной Российской империи», которая больше думала об «идеальном народе», во все не заботясь о «населении» страны. Не снимает Солженицын моральной ответственности за революцию и самого народа, который так или иначе состоит в отношениях с властью.

«Даже когда большинство населения вовсе бессильно помешать своим государственным руководителям – оно обречено на ответственность за грехи и ошибки тех. И в самых тоталитарных, и в самых бесправных странах мы все несем ответственность – и за свое правительство, каково оно»².

Писатель полагает, что «архипелаг Гулаг», т. е. тоталитарный СССР возник как историческое и Божье наказание за ошибки всего русского общества, за «соучастие всех нас, России» в подготовке и проведении губительной революции. Следовательно, выход из него должен начаться с раскаяния самого народа, с признания им необходимости собственного «самоограничения».

«После западного идеала неограниченной свободы, после марксистского понятия свободы как осознанно-неизбежного ярма, – вот во-

¹ Солженицын А.И. Красное колесо. Историческая эпопея. В 10 т. Т. 1. – М., 1993. С. 406.

² Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб. – М., 1992. С. 96.

истину христианское определение свободы: свобода – это самостеснение! – ради других!»¹.

Раскрывая содержание своего социального идеала, Солженицын утверждает, что в основе его не может лежать рациональная или субъективная концепция справедливости. Идеальный строй не может быть также следствием «научного открытия»; он возможен только как отражение внутреннего строя души человека. Создавая такой строй, необходимо учитывать не абстрактные положения о правах человека, а конкретные исторические и культурные обстоятельства формирования государства, сложившиеся в прошлом отношения народа и власти. При этом важно то, что в реальном обществе у народа существуют не только права, но и вполне определенные обязанности.

Не соглашаясь с доктриной конвергенции, Солженицын полагает, что она является формой западничества, которое «есть духовная капитуляция перед культурно сильнеешим». Примыкая к линии славянофильства, писатель настойчиво ратует за поиски национального пути развития, даже если временно и придется «подчиниться» западным стандартам государственности.

«Конечно, какая-то определенная политическая форма постепенно нами будет принята – по нашей полной политической неопытности скорее всего не самая удачная, не сразу приспособленная к потребностям именно нашей страны. Надо искать *свой* путь. Сейчас у нас самовнушение, что нам никакого собственного пути искать не надо, ни над чем задумываться, – а только поскорее перенять, «как это делается на Западе». Но на Западе делается – еще ой как по разному! У каждой страны своя традиция»².

В данной связи Солженицын касается проблемы западной демократии. Характеризуя ее особенности, он отмечает, что «хорошо проработанная демократия» в принципе лишает простых людей возможности принимать участие в решении государственных дел. В большинстве парламентов, пишет он, соперничество партий искажает народную волю и подавляет личность, «избирательные кампании при большой численности голосующих, среди незнакомых избирателей, бывают столь суетливы, визгливы... что даже отвращают от себя значительную часть населения». Поэтому неудивительно, что «во всякой избирательной кампании происходит вульгари-

¹ Там же. С. 113.

² Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. – Л. 1990. С. 27.

зация государственной мысли»¹. В дополнение к этому, отмечает Солженицын, западное общество, как формально демократическая система, легко мирится с дифференциацией людей на богатых и бедных.

В качестве альтернативы писатель предлагает для России демократию «малых пространств»: небольших городов, поселков, районов.

«Это – именно такой объем, в каком может начать расти, укрепляться и сама себя осознать новая российская демократия. И это – самое наше жизненное и самое наше верное»².

Преимущество демократии малых пространств Солженицын видит в том, что она непосредственно связана с жизнью людей. В этом контексте возможно возрождение и земского самоуправления: местного, уездного, областного и всероссийского, предполагающего введение ценза оседлости и возрастного ценза. Согласно Солженицыну, необходимо разумное сочетание централизованной бюрократии и общественных сил. Он также полагает, что российское государство останется «многонародным» при сохранении «потенциально сильной президентской власти», обеспечивающей плавную преемственность развития и устойчивость бытия единого российского государства.

б) Близок по своим воззрениям этой концепции *Игорь Ростиславович Шафаревич* (род. в 1923 г.), видный математик, социальный мыслитель.

С конца 60-х годов он активно занимается общественной деятельностью, выступает с заявлениями в защиту православной церкви. В 1977 г. в Париже выходит его книга «Социализм как явление мировой истории»; им опубликовано также большое число работ, связанных с вопросами российской истории и будущего России: «Русофобия» (1982), сборники статей «Есть ли у России будущее?» (1991), «Путь из под глыб» (1991), «Духовные основы российского кризиса XX века» (2001), «Будущее России» (2005), «Русский вопрос» (2009).

Согласно Шафаревичу, главной отличительной особенностью человеческого общества выступают отношения между людьми как личностями, а главные «силы», способствующие развитию индивидуальности, – это религия, мораль, чувство личного участия в исто-

¹ Там же. С. 41.

² Там же. С. 46.

рии, ответственность за судьбу человечества, которым как раз враждебен социализм.

«Экономические и социальные требования социализма являются средствами для достижения его основной цели – уничтожения индивидуальности. Многие же чисто экономические принципы, часто провозглашаемые социалистами, например – планирование, как показывает опыт, не связаны органически с социализмом, который оказывается очень плохо приспособленным для их существования»¹.

Идеология социализма, по мнению философа, характерна для исторической фазы существования «анонимных» обществ, где оригинальность индивида не играет принципиальной роли. Данная идеология выражает тенденцию смерти общества, и причина появления социализма заключена в наличии в человечестве инстинкта самоуничтожения.

«Среди основных сил, под действием которых разворачивается история, имеется стремление к самоуничтожению, инстинкт смерти человечества»².

И этому инстинкту, а также соответствующей ей идеологии, т. е. социализму необходимо противопоставить рациональное начало, направленное на развитие индивида, его свободы и оригинальности.

Это же касается и самих народов. Советский социализм, согласно Шафаревичу, сделал все, чтобы разобщить и обособить народы России, потому что он изначально был враждебен идее наций. В результате такой политики все более ослабевало межэтническое единство народов, представлявших прогрессивную тенденцию в развитии человеческих сообществ.

«Народы нашей страны спаяны общей историей. Она наделила нас единственным во всем мире опытом, которым не обладают никакие другие народы. Как это ни странно звучит, но мы находимся неизмеримо дальше на историческом пути, чем многие народы, которые мы привыкли только “догонять”. Та фаза, в которой сейчас находятся Западная Европа и США, удивительно напоминает эпоху расцвета “нигилизма” в нашей стране, то есть нашу историю столетней давности»³.

¹ Шафаревич И.Р. Социализм // Из-под глыб. – С. 51.

² Там же. С. 54.

³ Шафаревич И.Р. Обособление или сближение? (Национальный вопрос в СССР) // Из-под глыб. – С. 85.

Не будь советского социализма, полагает Шафаревич, Россия могла бы указать человечеству выход из того лабиринта, в котором оно заблудилось, решая национальную проблему.

В этой связи он критиковал идею дробления малых народов в пределах одного государства – «охлократию наций». Национализм, по его мнению, может привести к предельной локализации жизни народов и к их уходу от магистральных путей развития цивилизации. И наоборот, сотрудничество народов порождает культуру качественно более высокую, чем мог бы создать один из них: культура и самого крупного из народов, полагает Шафаревич, приобретает новое измерение, которого она не имела бы в другой ситуации. Соответственно, решение национальной проблемы должно предполагать создание условий для единения и сближения различных национальных культур.

Касаясь темы будущего России, Шафаревич разрабатывает концепцию третьего пути развития цивилизации, «по ту сторону» социализма и западной технократической цивилизации, присовокупляя к этой линии, кроме России, также Китай, Индию, исламский мир и Латинскую Америку. Но для этого, полагал он, «сама Россия должна пережить XXI век, и русский народ должен восстановить свое духовное и национальное самосознание»¹.

3. Социал-консервативный взгляд на общество представлен в диссидентском творчестве *Александра Александровича Зиновьева* (1922–2006), профессора логики, автора множества антикоммунистических сочинений.

Первый период его творческой жизни был связан с Московским университетом, где он занимался преподавательской деятельностью. В 1976 г. выходит его книга «Зияющие высоты», в которой остро критиковались различные стороны советского общества. С 1978 г. находится в эмиграции, которая продолжается 21 год. Все это время он жил в Мюнхене, занимаясь научным и литературным трудом. Там же выходят его главные труды по советологической тематике: «Коммунизм как реальность» (1980), «Мы и Запад» (1981), «Гомо советикус» (1982), «Иди на Голгофу» (1985), «Горбачевизм» (1988), «Катастрофика» (1988), «Кризис коммунизма» (1990), «Русский эксперимент» (1994), «Глобальный человек» (1997).

Зиновьев создал оригинальный метод исследования общества, который он определяет как *понимание*.

¹ Шафаревич И.П. Две дороги к одному обрыву. – М., 2003. С. 428.

«Понимание общества не есть его разоблачение. Разоблачение негативно, понимание же позитивно. Разоблачение действует на эмоции. Понимание предназначено для разума. Разоблачение имеет своим врагом апологетику, понимание же – заблуждение»¹.

Одновременно с этим ученый-диссидент различает социологию и историю: если первая стремится познать формы социальной жизни, регулярно воспроизводимые во времени, то для второй важно познать, как эти формы возникли во времени. Он отрицает возможность научного познания общества «с чисто логической точки зрения», видя в истории лишь иллюзию объяснения.

В своих работах Зиновьев подверг систематическому и критическому анализу коммунизм, желая дать «более или менее обобщенное описание этого строя общества». На его взгляд, коммунистические социальные отношения в той или иной мере и форме существовали и существуют в самых различных обществах «с достаточно большим числом людей, вынужденных жить совместно, и со сложной системой хозяйства и управления»². В этом смысле коммунизм оказывается вполне нормальным явлением в истории общества, поскольку порождается «человеческой коммунальностью». Суть же коммунальности состоит в борьбе людей за существование и за улучшение своих позиций в социальной среде, которая воспринимается ими «как нечто данное от природы, во многом чуждое и враждебное им, во всяком случае – как нечто такое, что не отдает свои блага человеку без усилий и борьбы».³ Коммунальной жизни люди обучаются в процессе жизни, и коммунальный индивид следует законам: не действовать во вред себе, препятствовать другим индивидам действовать во вред ему, избегать ухудшения условий своего существования, отдавать предпочтение лучшим условиям своего существования. Коммунальный поступок – это всякое сознательное действие человека, влияющее на его социальное положение и на положение других людей; и так как коммунальные отношения опосредованы групповыми отношениями, то в итоге формируется некое среднее качество характера индивида.

Согласно Зиновьеву, ячейку коммунистического общества образует клеточка – организация, созданная для выполнения деловых функций. Клеточки различаются по степени сложности своей структуры, а индивид существует в рамках клеточки, где действует

¹ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – М., 1994. С. 11.

² Там же. С. 19.

³ Там же. С. 61.

принцип – каждому по социальному положению. При этом возникают определенная простота жизни людей, обязательность их труда и система взаимного контроля, а также создаются социальные гарантии труда, отдыха, образования, лечения и др. В коммунистическом обществе получение всего затруднено: еда, жилье, отдых, развлечения, продвижения по службе, свобода мысли. Доминирующее состояние психологии людей – унылость, скука, но облеченные в форму официальной бодрости и праздничности.

Зиновьев полагал, что цивилизация возникла из стремления противостоять коммунальной стихии.

«Если коммунальность можно представить как движение по течению потока истории, то цивилизацию можно представить как движение против течения. А еще нагляднее коммунальность можно представить как проваливание в некие дырки истории и падение вниз, а цивилизацию – как карабкание вверх»¹.

Пути достижения цивилизации являются формирование религии, права, морали, искусства, однако коммунизм также может заимствовать некоторые средства цивилизации для своих целей. Борьба между коммунизмом и цивилизацией неизбежна, и проблема состоит в том, чтобы найти наиболее эффективные средства сопротивления первому и охранения второго. При этом коммунистическое общество, согласно Зиновьеву, «стабильно до такой степени, что внутри его просто не вызревают достаточно серьезные силы, способные разрушить его изнутри»². Он отмечает, что коммунизм имеет более высокую степень социальной эффективности сравнительно с капитализмом, но при более низкой степени экономической эффективности. Поэтому своими силами коммунистические страны не смогут достичь экономического и научно-технического прогресса. При этом Зиновьев полагает, что для коммунизма более опасны не дефицит и бедность, а относительное изобилие и богатство, так как они усиливают материальное неравенство и порождает паразитизм в обществе. Коммунистическое общество держится на стандартной социальной организации населения в первичные коллективы, системе власти и управления, единой государственной идеологии и идеологической обработке населения.

¹ Там же. С. 26–27.

² Там же. С. 276.

Он делает вывод: «Я склоняюсь к убеждению, что коммунистический социальный строй повышает степень выживаемости страны в огромной степени»¹.

Рассматривая истоки коммунизма в СССР, Зиновьев отмечает, что он имел своим предшественником государственно-бюрократический строй дореволюционной России.

Все это давало ему основание утверждать, что советский коммунизм не способен ни к какой «западнизации», т. е. к сколько-нибудь полноценной европеизации, и поэтому он останется своего рода изгоем в среде цивилизованных стран, пока само время не подточит его основы.

Но процесс этот, предупреждает Зиновьев, может быть очень долгим, причем с выявлением таких негативных тенденций, как «идеологическое засилье», «насилие над личностью», превращение большинства населения в «армию рабов для особого рода неприятных и вредных работ и для жизненно непригодных районов»². Но Зиновьев допускает и более ускоренный вариант «краха коммунизма: он может просто «рухнуть... вследствие вмешательства извне, а именно – со стороны западных стран»³.

Однако он тут же с некоторым сожалением признает: «Но на такое решение исторического спора Запад еще не готов. А пока он готовится, Советский Союз выкарабкается из кризиса, модернизирует свою военную промышленность и армию и будет в состоянии сам нанести смертельный удар своим противникам»⁴.

Таким образом, из рассуждений Зиновьева видно, что в своей критике советской системы, он более комбинировал схемами альтернативных прогнозов, нежели реальным видением действительных перспектив развития российского общества.

4. Советское диссидентство как социальное явление перестало существовать в 1990-е гг., поскольку в значительной степени утратили свою остроту и актуальность прежние социально-политические проблемы, а правозащитное движение стало одним из институтов правового государства. Вместе с тем диссидентская политическая философия не исчезла совсем, хотя и ушли в прошлое некото-

¹ Там же. С. 368.

² *Зиновьев А.А.* Кризис коммунизма // *Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. – М., 1994. С. 437.

³ Там же. С. 440.

⁴ Там же. С. 457.

рые ключевые темы диссидентства, например, критика советского общества и коммунизма. Диссидентская политическая философия, несколько видоизменившись и идейно трансформируясь, получила свое продолжение в постсоветской философии с учетом тех сложных и неоднозначных социокультурных и геополитических реалий, в которых оказалась Россия в глобальном мире. Она существует там, где сохранилась моральная ответственность и творческое начало подлинной философии.